

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
5 August 2024
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Пятьдесят седьмая сессия

9 сентября — 9 октября 2024 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие**

**Доклад Независимого эксперта по вопросу о поощрении
демократического и справедливого международного
порядка Йоргоса Катругалоса***

Резюме

Настоящий доклад Независимого эксперта по вопросу о поощрении демократического и справедливого международного порядка Йоргоса Катругалоса представляется Совету по правам человека во исполнение резолюции 54/4 Совета.

В докладе Независимый эксперт излагает свое видение мандата, а также подход, который он предлагает использовать для реализации своих тематических приоритетов. Опираясь на работу своих предшественников, Независимый эксперт стремится и дальше продвигать мандат, преодолевая геополитические разногласия в отношении развития демократического международного порядка.

При этом Независимый эксперт представляет исторический обзор прав человека и международного права и анализирует события, которые привели к разработке Всеобщей декларации прав человека, а также последующих международных договоров и документов по правам человека.

Независимый эксперт отмечает, что на международном уровне концепция демократии подразумевает должное уважение независимости и суверенного равенства государств и их равноправное участие в принятии глобальных решений наряду с участием их граждан. Независимый эксперт указывает на многочисленные вызовы, с которыми сталкивается современная демократия, а также на глобализацию как один из основополагающих факторов, ведущий к росту неравенства. В докладе также говорится об изменении динамики сил между Севером и Югом, о разногласиях по поводу ценностей, прав человека и интервенционизма, а также об ощущении неэффективности институтов глобального управления — все это создает значительную нагрузку на систему Организации Объединенных Наций.

* Была достигнута договоренность о публикации настоящего документа после стандартной даты публикации по не зависящим от составителя обстоятельствам.

В заключение Независимый эксперт предлагает следующие тематические приоритеты для мандата: а) активизация диалога Север — Юг по вопросам демократии и прав человека; б) актуализация применения прав человека в рамках системы Организации Объединенных Наций; в) интеграция искусственного интеллекта в развитие глобальной демократии; г) обеспечение приверженности многонациональных корпораций поощрению демократического и справедливого международного порядка; д) содействие диалогу между цивилизациями по вопросам демократии и прав человека; и е) защита международных и национальных судебных органов, сталкивающихся с авторитарной и нелиберальной практикой.

I. Введение

1. Настоящий доклад, представленный в соответствии с резолюцией 54/4 Совета по правам человека, является первым докладом нынешнего мандатария. В докладе Независимый эксперт излагает свое видение мандата и описывает подход, которого он намерен придерживаться. Опираясь на работу предыдущих мандатариев, он стремится к дальнейшему продвижению мандата, пытаясь преодолеть геополитический раскол в отношении развития демократического международного порядка и фрагментацию предлагаемых решений, а также представляет консенсусные предложения. Независимый эксперт сначала обращается к преобладающему пониманию и противоречиям в отношении вопросов демократии и прав человека в документах Организации Объединенных Наций, научной литературе и общественном мнении, а затем излагает свое видение сферы действия мандата и, наконец, определяет некоторые из своих тематических приоритетов.

II. Мандат

2. В своей резолюции 18/6 Совет по правам человека постановил принять все меры в пределах своих возможностей для обеспечения демократического и справедливого международного порядка, подтвердил основные требования к демократическому и справедливому международному порядку и учредил мандат Независимого эксперта по вопросу о поощрении демократического и справедливого международного порядка. В соответствии с резолюцией 18/6 Независимый эксперт уполномочен поощрять и защищать международный порядок, основанный на правах человека и демократии, а также на солидарности и сотрудничестве между всеми государствами. Таким образом, в центре внимания мандата находится международный порядок, основанный на правах человека и демократии, а также на солидарности и сотрудничестве между всеми государствами.

3. Вместе с тем в глобальном и взаимозависимом мире национальный и международный уровни не разделены непреодолимым барьером — они диалектически взаимосвязаны, поскольку понимание и практика прав человека и демократии на одном уровне оказывают влияние и совместно определяют их на другом уровне. Это также соответствует букве и духу резолюции 18/6, в которой Совет по правам человека подтвердил, что каждый человек имеет право на демократический и справедливый международный порядок, способствующий полной реализации всех прав человека для всех и принципу, согласно которому воля народа, выражаемая посредством периодических и подлинных выборов, должна быть основой власти правительства. Совет также подчеркнул важность равноправного участия всех, без какой-либо дискриминации, в принятии решений на национальном и глобальном уровнях. Эти положения, а также полномочия Независимого эксперта по содействию укреплению и поощрению демократии, развитию и уважению прав человека и основных свобод во всем мире и по выявлению передовой практики на местном, национальном, региональном и международном уровнях подчеркивают глобальный и целостный характер его мандата. Для построения более мирного, процветающего и демократического мира необходимо добиваться повсеместного обеспечения демократии и прав человека¹. Кроме того, такого же видения придерживались первые два мандатария.

III. Конкурирующие нарративы о правах человека и видение Независимого эксперта

4. После единодушного подтверждения Всеобщей декларации прав человека в Декларации тысячелетия² тогдашний Генеральный секретарь заявил, что нынешняя

¹ Резолюция 60/1 Генеральной Ассамблеи, п. 16.

² Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи.

эпоха — это эпоха прав человека³, повторив название ряда основополагающих работ⁴. Вместе с тем критика международных прав человека не прекращается, отражая многогранные нарративы и контрнарративы о них. В настоящем докладе не ставится задача теоретической критики, он призван внести вклад в разработку конкретных предложений, связанных с мандатом. При этом Независимый эксперт считает, что в интересах транспарентности и интеллектуальной искренности при изложении его видения и приоритетов было бы уместно поразмышлять о некоторых критических взглядах на права человека.

5. Согласно первой, эмпирической, волне критики, распространение международно признанных прав человека существенно не изменило жизнь граждан. В XX веке было совершено больше злодеяний и нарушений прав человека, чем в любой другой период истории. Однако этот аргумент можно рассмотреть под другим углом. Именно ужасы первой половины двадцатого века, две мировые войны, Холокост и преступления колониализма придали новый импульс призыву к глобальной защите прав человека. Более того, во многих областях, таких как всеобщее признание права на самоопределение/деколониацию, не проводится сравнение между современным миром и миром до принятия Всеобщей декларации прав человека.

6. Более изощренная критика имеет своим истоком школу критических правовых исследований, и ее объектом является не столько неспособность международных прав изменить ситуацию к лучшему, сколько их идеологическая функция скрывать и маскировать реальное соотношение сил. Согласно этому направлению мысли, права человека, и особенно международные права человека, не могут эффективно противостоять неравенству или дисбалансу сил, а наоборот, прячут или затушевывают их, выступая в качестве активных проводников для доминирующих структур и отношений:

права человека не противопоставляются осуществлению власти и балансу сил; но могут использоваться для некоторого сопротивления. Права человека способствуют равноправию и признанию самобытности, но не достижению материального равенства и социальной справедливости. ... [Они] не могут эффективно противодействовать дисбалансу сил и зачастую просто подтверждают его. Однако они являются хорошим показателем его наличия. Они выполняют двойную задачу: скрывают и подтверждают господствующий порядок, но в то же время обнажают господство и угнетение. ... Таким образом, они помогают диагностировать проблемы, но едва ли помогают их решить⁵.

7. Эта критика во многом справедлива: восприятие, признание, определение, интерпретация и реализация прав человека как на национальном, так и на международном уровне открыто и подспудно связаны со структурами власти. Однако важно вместе с грязной водой не выплеснуть и ребенка. Правозащитное движение на всех уровнях, внутреннем и международном, — это прежде всего эмансипационный проект. Смысл существования прав человека, в конце концов, вытекает из асимметрии власти: это результат борьбы между доминантами и силами эмансипации и освобождения. Исторически права человека на национальном уровне всегда возникали в стремлении ограничить власть, сначала монархов, затем государственную власть в целом и, наконец, по крайней мере в некоторых правовых системах, всех носителей власти как государственной, так и частной в рамках теорий «горизонтального действия».

8. Верно и то, что все эти претензии, требования и завоевания вписаны в иерархическую правовую и политическую систему регулирования, которая не нарушает фундаментального соотношения сил. В этом контексте права человека,

³ Kofi Annan, “The age of human rights”, Project Syndicate, 26 September 2000, URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-age-of-human-rights>.

⁴ Louis Henkin, *The Age of Rights* (New York, Columbia University Press, 1990); и Norberto Bobbio, *The Age of Rights* (Cambridge, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Polity Press, 2017).

⁵ Costas Douzinas, *States of Exception: Human Rights, Biopolitics, Utopia* (Cheltenham, Edward Elgar, 2023), p. 177.

несомненно, приобретают дискурсивную функцию легитимации существующих структур власти. Однако признание новых прав влечет за собой изменение нормативного порядка или общего расклада сил. Оно перестраивает и трансформирует их. Наиболее ярким подтверждением этого служит преобразующая роль социальных прав, за которые боролся рабочий класс в XIX и в начале XX веков. Они фактически поставили под сомнение фундамент либеральных правовых систем, основанных на договоре и абсолютном характере права собственности. Как заявил в 1848 году Арман Марра, представитель революционной французской ассамблеи: «Права, которые вы провозглашали до сих пор, — это права буржуазии. Право на труд — это право трудящихся»⁶. Эпицентром этой борьбы стал «социальный вопрос» — многогранный комплекс проблем, связанных с положением рабочего класса, начиная от здоровья населения и подрыва социальной сплоченности и заканчивая моральным упадком. Прежде всего, это был вопрос о том, можно ли совместить рыночные принципы и представительную демократию с расширением избирательных и социальных прав без социалистической революции. Другими словами, может ли рабочий класс перестать быть «опасным классом» (“*classe dangereuse*”)?⁷ В результате этой борьбы формальное либеральное правовое государство XIX века превратилось в государство нового типа — государство всеобщего благосостояния XX века.

9. Таким образом, эмансипационная функция прав человека носит двоякий характер: права расширяют автономию и возможности их носителей и одновременно трансформируют ценности, принципы и институты, определяющие общий правовой порядок. Это расширение не линейно, при этом нет никаких гарантий от регресса и отката назад. Собственно, в этом и состоит кризис государства всеобщего благосостояния в западном мире, где многие достижения “*trente glorieuses*”, трех десятилетий после окончания Второй мировой войны, сегодня подвергаются сомнению и испытываются на прочность.

10. Возникновение международных прав человека происходит по схожей траектории силового конфликта между государственными акторами. Несмотря на блестяще сформулированную противоположную позицию, согласно которой международные права не вытекают из прав человека и не связаны с революционными дискурсами прошлого и возникли, по сути, после принятия Всеобщей декларации прав человека или даже позже, как явно аполитичный моральный дискурс, продвигаемый международными неправительственными организациями, и отказ от основных утопических нарративов⁸, расширение прав колонизированных народов во второй половине XX века шло тем же путем, что и их расширение для женщин в первой половине этого века и для рабочего класса в XIX веке. Прогресс не был линейным. Как и в любой борьбе, были и победы, и поражения. Права на самоопределение и развитие получили всеобщее признание, но усилия по созданию постколониальной системы глобального управления — нового международного экономического порядка потерпели неудачу, несмотря на номинальное признание Генеральной Ассамблеей. Причина проста: идеологические и политические успехи глобального Юга на Генеральной Ассамблее сами по себе не могли преобразовать структуру глобальной экономики: «Силы глобального капитализма воздвигли преграду на пути того, что представлялось политически возможным»⁹. Большинство стран Юга в Генеральной Ассамблее оказалось недостаточным для того, чтобы изменить сложный экономический режим, установленный метрополиями и транснациональными корпорациями. Показательным примером является Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, в которой развивающиеся государства имели возможность определить океаны как общее наследие человечества,

⁶ Pierre Lavigne, “Le travail dans les constitutions françaises, 1789–1945”, doctoral thesis, University of Paris, 1946, p. 199 (на французском языке).

⁷ Christopher Clark, *Revolutionary Spring: Fighting for a New World 1848–1849* (London, Allen Lane, 2023), pp. 26 et seq.

⁸ Samuel Moyn, *The Last Utopia: Human Rights in History* (Cambridge, Massachusetts, Belknap Press of Harvard University Press, 2010).

⁹ Karen J. Alter, “From colonial to multilateral international law: a global capitalism and law investigation”, *International Journal of Constitutional Law*, vol. 19, No. 3 (2021), pp. 798 and 799.

но были вынуждены смягчить эту концепцию из-за риска того, что развитые страны не ратифицируют этот инструмент, пока их требования не будут удовлетворены¹⁰.

11. Здесь снова уместна аналогия с национальными социальными правами. Их преобразующая роль на внутреннем уровне имела те же ограничения. Они обеспечили правовую основу для политического вмешательства в экономическую сферу с целью сглаживания глубокого неравенства, не посягая при этом на примат рынка. Они привели к переосмыслению концепции собственности и равенства, не отрицая при этом капитализм. Социальные права — это не социалистические права. Они не посягают на само существование капиталистической системы, но знаменуют собой прорыв внутри системы. На их основе был создан новый тип рынка, который отличается от либерального и якобы саморегулируемого рынка и определяется немецкими ордолибералами как «социальная рыночная экономика», а также другой тип государства — «социальное государство»¹¹. В то же время международное право само по себе не может радикально перестроить глобальную экономику.

12. Именно потому, что все права человека связаны с конфликтом сил и интересов, они не могут быть вне политики и исторического процесса¹², и в их историчности есть свой континуум. Например, дискуссии в период европейских революций 1848 года о характере и юридической силе социальных прав обусловили и нормативно определили разделение современного международного права, сначала по оси Запад — Восток, а в настоящее время — по оси Север — Юг. Национальные и международные дискурсы и борьба за права человека также взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга. Например, Малкольм Икс использовал Всеобщую декларацию прав человека в качестве аргумента в пользу эмансипации чернокожих: «Если говорить о гражданских правах, то они находятся под юрисдикцией дяди Сэма. Но у Организации Объединенных Наций есть так называемая Хартия прав человека. ... Гражданские права означают, что вы просите дядю Сэма обращаться с вами корректно. Права человека — это то, что дано вам от рождения»¹³. Аналогичным образом в октябре 1947 года Уильям Дюбуа внес свой вклад в разработку Всеобщей декларации прав человека, представив петицию о правах чернокожего меньшинства в Соединенных Штатах Америки¹⁴.

13. Критические правовые исследования также включают подход стран третьего мира к международному праву — антигегемонизм, согласно которому либеральный интернационализм выражает в основном интересы и идеи глобального Севера. Согласно этому подходу, международное право зародилось в контексте отношений между империями и колониями как оправдание оккупации «Нового Света»¹⁵. Оно является продолжением наследия колониализма и расизма, «цивилизаторской миссии белого человека» и узаконивает продолжающуюся экономическую эксплуатацию и культурное подчинение стран третьего мира. Согласно одному из вариантов, существует параллельная традиция естественного права и прав человека, которая процветала в колониальном мире наряду с европоцентричной традицией. Таким образом, первые наработки в области прав человека появились не в период революций XVIII века, а в результате «исторического стремления к эмансипации и

¹⁰ Antonios Tzanakopoulos, “The master’s tools and the master’s house: Marxist insights for international law”, in *The Oxford Handbook of International Law in Europe*, Anne van Aaken and others, eds. (Oxford, Oxford University Press, forthcoming).

¹¹ George Katrougalos and Paul O’Connell, “Fundamental social rights”, in *Routledge Handbook of Constitutional Law*, Mark Tushnet, Thomas Fleiner and Cheryl Saunders, eds. (London, Routledge, 2013), p. 375; and Margot E. Salomon, “Emancipating human rights: capitalism and the common good”, *Leiden Journal of International Law*, vol. 36, No. 4 (2023).

¹² Michael Ignatieff, *Human Rights as Politics and Idolatry* (Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2003), p. 31; и Bobbio, *The Age of Rights*.

¹³ “The ballot or the bullet”, речь, произнесенная в апреле 1964 года, цитируется в Moyn, *The Last Utopia*, p. 145.

¹⁴ Paul Gordon Lauren, *The Evolution of International Human Rights*, 3rd ed. (Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2011).

¹⁵ Anthony Anghie, *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*, Cambridge Studies in International and Comparative Law (Cambridge, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Cambridge University Press, 2005).

самоопределению, к которым призывал Лас Касас, войн за независимость, а также прав, провозглашенных и закрепленных в национальных конституциях»¹⁶.

14. Как и в случае с критическими правовыми исследованиями, критика международного права странами третьего мира во многом справедлива. Основная концепция «цивилизаторской миссии Запада» была инструментом колониального режима и задавала тон империалистической политике и определяла зарождающееся международное право, которое оправдывало и узаконивало ее. Как говорил Теодор Рузвельт: «Узы цивилизованного общества... в конечном счете требуют вмешательства со стороны какой-либо цивилизованной нации... в осуществление функций международного жандарма». Это вмешательство «сулит долгосрочные выгоды», поскольку «лучшее, что может случиться с любым народом, у которого еще нет собственной развитой цивилизации, — это впитать американские или европейские идеи и использовать их себе во благо». «Любая экспансия великой цивилизованной державы означает победу закона, порядка и праведности»¹⁷. В том же ключе за несколько десятилетий до этого, в 1860 году, Наполеон III заявил: «Наша первейшая обязанность — позаботиться о счастье трех миллионов арабов, которых силой оружия мы привели под наше господство»¹⁸.

15. Международное право воплотило и институционализировало эти политические максимы, торжественно утвердив иерархию между цивилизованными и нецивилизрованными нациями¹⁹. В 1905 году один из отцов современной дисциплины международного права, Оппенхайм, включил в семью «цивилизированных наций» только независимые государства Европы и Северной и Южной Америки, а также Японию. В отличие от них, положение других государств «сомнительно... [поскольку] их цивилизация еще не достигла того уровня, который необходим для того, чтобы их правительства и их население в полной мере понимали и выполняли предписания норм международного права»²⁰. Это архаичное представление отражено в термине «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» в статье 38 (пункт 1 с)) Статута Международного суда и в статье 7 (пункт 2) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека). Чтобы соответствовать «стандарту цивилизованности» не нужно было обязательно быть христианином или иметь белый цвет кожи. Япония была принята в «семью» в качестве полноценного члена не потому, что уровень развития ее цивилизации соответствовал Западу, а, скорее, потому что она была лидером среди догоняющих его стран. Любопытно, что Лев Толстой назвал победу японцев в русско-японской войне 1905 года «торжеством западного материализма над душой России»²¹. Однако представление о цивилизационном превосходстве Запада определенно было основано на расовом предубеждении, что было наглядно продемонстрировано Лигой Наций, когда она в 1919 году отклонила предложение Японии о включении пункта о расовом равенстве²².

¹⁶ José-Manuel Barreto, *Human Rights from a Third World Perspective: Critique, History and International Law* (Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2013), pp. 159–164.

¹⁷ Речи Теодора Рузвельта, цитируемые Грэмом Эллисоном в его работе *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* (Boston, Massachusetts, Houghton Mifflin Harcourt, 2017), chap. 5, footnotes 14, 16 and 76.

¹⁸ Daniel Rivet, “Le rêve arabe de Napoléon III”, *L'Histoire*, No. 140 (January 1991), URL: <https://www.lhistoire.fr/le-r%C3%A9ve-arabe-de-napol%C3%A9on-iii-0> (на французском языке).

¹⁹ См. Martti Koskeniemi, *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960*, Hersch Lauterpacht Memorial Lectures Series, No. 14 (Cambridge, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Cambridge University Press, 2010).

²⁰ Lassa Oppenheim, *International Law: A Treatise*, vol. 1, *Peace* (Longmans, Green and Company, 1905), pp. 31 et seq.

²¹ Ian Buruma and Avishai Margalit, *Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies* (New York, Penguin Books, 2005), p. 30.

²² Mark Mazower, *Governing the World: The History of an Idea, 1815 to the Present* (London, Penguin Books, 2013); и Benedict Kingsbury, “Sovereignty and inequality”, *European Journal of International Law*, vol. 9 (1998), p. 607.

16. Несмотря на то, что критика международного права со стороны стран третьего мира по большей части обоснована, ее слабым местом является то, что Запад воспринимается ими, по крайней мере отдельными учеными, как однородный монолит, без расколов и внутренних разногласий, который по своей природе негативно относится к правам стран третьего мира. Этого ошибочного «оксидентализма», который в некотором смысле представляет собой обратную сторону «ориентализма», следует избегать²³. Интересы большинства жителей развитых стран совпадают с интересами жителей глобального Юга, а не противоречат им. И, напротив, Франц Фанон говорит о том, что элиты коренных народов в бывших колониях оказываются ничем не лучше колонизаторов и копируют их методы репрессий²⁴. Действительно, есть «Юг» на Севере и «Север» на Юге, как отмечается в докладе Программы развития Организации Объединенных Наций, опубликованном в 2013 году²⁵. Стоит вспомнить, что первый глава государства Гаити Жан-Жак Дессалин назвал поляков «белыми неграми Европы», что считалось тогда высокой честью, за то, что они дезертировали из наполеоновской армии и присоединились к гаитянским рабам в войне за независимость в 1802 году.

17. Исторические освободительные битвы всегда были общим наследием и источником вдохновения для людей как на Западе, так и в остальном мире. Гаитянский революционер Жюльен Раймонд использовал язык Французской революции, чтобы выступить против рабства и колониализма перед Национальным собранием в 1789 и 1791 годах²⁶. После восстания на Гаити в 1791 году во французском законодательстве в 1792 и 1794 годах были проведены реформы в целях обеспечения расового равенства, в результате которых было отменено рабство, а цветным мужчинам предоставлено право голоса. Жорж Дантон, выступая перед Собранием, заявил: «До сих пор наши декреты о свободе были эгоистичными и предназначались только нам самим. Но сегодня... мы провозглашаем всеобщую свободу»²⁷. Тем не менее одного только закона для эмансипации было недостаточно. Она пришла только после победоносного восстания рабов и основания первого независимого государства в Карибском бассейне в 1801 году²⁸.

18. Социальные революции XIX века, особенно «Весна народов» 1848 года, нашли отклик на глобальном Юге в национальных дебатах о свободе, солидарности и самоопределении. В издаваемой в Лиме газете «Эль комерсио» в январе 1849 года писали: «В Европе рушатся троны в потоках крови. А мы так и будем спать?». Публикация в газете «Эль меркурио» из Вальпараисо звучала более оптимистично: «Французская революция 1848 года принесет Чили истинную свободу, и даже самые непреодолимые силы не смогут подавить этот дух и это чувство, которые так долго прорастали в нашей стране»²⁹. Даже на первом съезде американских женщин в городке Сенека-Фолс в июле 1848 года выступающие увязывали требования индейцев сенека с «Весной народов», отмечая, что они «подражают движениям Франции и всей Европы в стремлении к большей свободе»³⁰.

19. Дискурс о правах, несомненно, используется с идеологическим подтекстом для легитимации колонизации и ее «цивилизаторской миссии». Вместе с тем та же риторика, сформировавшаяся под влиянием просвещения и конституционализма,

²³ Edward W. Said, *Orientalism* (New York, Vintage Books, 1979).

²⁴ Frantz Fanon, *The Wretched of the Earth* (New York, Grove Press, 2005), p. 153.

²⁵ ПРООН, «Доклад о человеческом развитии 2013 год: Возвышение Юга — человеческий прогресс в многообразном мире» (Нью-Йорк, 2013 год), стр. 2.

²⁶ Julien Raimond, “Observations adressées à l’Assemblée Nationale par un député des colons américains” (1789), URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54615279/f4.image> (на французском языке).

²⁷ Laurent Dubois and John D. Garrigus, *Slave Revolution in the Caribbean, 1789–1804: A Brief History with Documents* (Boston, Massachusetts, Bedford/St. Martins, 2006), p. 26.

²⁸ Laurent Dubois, *Avengers of the New World: The Story of the Haitian Revolution* (Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2004).

²⁹ Clark, *Revolutionary Spring*, pp. 699 and 705.

³⁰ Из выступления феминистки и аболиционистки Лукреции Мотт, август 1848 года, Clark, *Revolutionary Spring*, p. 701.

была важным инструментом эмансипации в антиколониальной борьбе³¹. Первая националистическая партия Туниса (основана в 1920 году) называлась «Дестур», т. е. «партия Конституции». Антиколониальная борьба была также движением за права человека. Авторы недавних исторических исследований в странах Африки к югу от Сахары утверждают, что дискурс о правах — это обоюдоострое оружие, которое одновременно служит целям закрепления/легитимации власти и продвижения/осуществления трансформационных процессов³². Интернационализм и солидарность проникли и в западные конституции под влиянием рабочих движений, наиболее показательным примером чего является статья 162 Конституции Веймарской Республики 1919 года, которая обязывала государство содействовать международному регулированию «для обеспечения общего минимального уровня социальных прав для всего рабочего класса человечества».

20. Международный язык власти и сопротивления вышел из колыбели Просвещения³³. «Каждый раз, когда бедный, угнетенный, измученный человек использует язык прав — потому что другого на данный момент не существует — для протеста, сопротивления, борьбы, он вдохновляется самой благородной метафизикой, моралью и политикой западного мира»³⁴. В то же время международные права человека уходят своими корнями в многочисленные религиозные, философские и культурные традиции. Какими бы ни были корни, современные концепции международного права прав человека связаны с появлением во всех регионах мира «современных» государств (с различными вариантами разделения власти между тремя ветвями). Почти все государства участвуют в осуществлении основных действующих международных договоров по правам человека и обязуются соблюдать хотя бы некоторые из них.

21. Представители глобального Юга сыграли важную роль в обсуждении Всеобщей декларации прав человека и всех последующих договоров по правам человека. Во время разработки декларации Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры обратилась к группе международных экспертов с просьбой дать рекомендации по культурным основам и универсальности прав человека. Бенгальский поэт и философ мусульманин Хумаюн Кабир издал работу «Права человека: исламская традиция и проблемы современного мира», индийский политолог С. В. Пунтамбекар исследовал тему «Индуистская концепция прав человека», а китайский ученый Чунг-Шу Ло подготовил публикацию «Права человека в китайской традиции». Махатма Ганди подчеркнул универсальность этих усилий следующими словами: «Как говорила моя неграмотная, но мудрая мать, все права, которые нужно заслужить и сохранить, исходят из хорошо выполненного долга. Таким образом, само право на жизнь дается нам только тогда, когда мы выполняем долг гражданина мира»³⁵. После получения всех этих мнений Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры созвала летом 1947 года специальный Комитет по философским принципам прав человека. В своем заключительном обзоре Комитет пришел к выводу, что, несмотря на многочисленные различия, существует ядро «общих убеждений» и что Организация Объединенных Наций несет торжественное обязательство обеспечить, чтобы они «больше не ограничивались меньшинством, а распространялись на всех людей повсюду без дискриминации по признаку расы, пола, языка или религии. Они универсальны»³⁶.

³¹ Sankar Muthu, *Enlightenment against Empire* (Princeton University Press, 2003).

³² Bonny Ibhawoh, *Imperialism and Human Rights: Colonial Discourses of Rights and Liberties in African History* (Albany, State University of New York Press, 2007), pp. 3 and 5.

³³ Micheline R. Ishay, *The History of Human Rights: From Ancient Times to the Globalization Era* (Berkeley, University of California Press, 2004).

³⁴ Costas Douzinas, *Human Rights and Empire: The Political Philosophy of Cosmopolitanism* (London, Routledge, 2007), p. 33.

³⁵ Mark Goodale, *Letters to the Contrary: A Curated History of the UNESCO Human Rights Survey* (Stanford, Stanford University Press, 2018), p. 191.

³⁶ Lauren, *The Evolution of International Human Rights*.

22. Как правило, право прав человека и международное право, как и любой другой вид права³⁷, представляют собой поле битвы конфликтующих интересов и идей³⁸. И это применимо не только к освободительной борьбе на низовом уровне, но и к судебным разбирательствам в национальных и международных судах, а также к международным форумам, где права создаются, оцениваются и интерпретируются. Их фактическая реализация отражает баланс сил вовлеченных социально-политических акторов и поэтому открыта для противоречивого прочтения и применения. Как говорил Карл Маркс: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»³⁹.

23. По этой причине система правил Организации Объединенных Наций — это не «аквариум»⁴⁰, а динамичная структура, которая постоянно колеблется и меняется. В то время как социальная борьба XIX века изменила европейские государства, антиколониальная борьба на Юге и социальные движения на Севере изменили и трансформировали международные права с появлением двух международных пактов о правах человека 1966 года. Эти международные пакты наполнили новым содержанием понятия равенства и справедливости и возвели «право наций» в ранг «права народов»⁴¹. В отличие от вертикальной структуры колониальной системы, несмотря на ее дефекты и противоречия, «многосторонность Организации Объединенных Наций служит институциональным аппаратом для создания международного права, основанного на согласии»⁴². Даже если универсализм иногда становится «плеткой для наказания развивающихся государств и меньшинств»⁴³, даже если часто его обещания нарушаются его сторонниками, система прав Организации Объединенных Наций — это прогрессивный шаг вперед для человечества⁴⁴. Она похожа не на аквариум, а скорее на ящик кота Шредингера: права, находящиеся в нем, либо активны, либо пассивны, ограничивают или закрепляют власть, обнажают или маскируют ее, в зависимости от действий акторов, которые борются за их переопределение, применение и приведение в соответствие со своими интересами и стратегиями. Принцип «законы написаны для бодрствующих» (“*vigilantibus jura sunt scripta*”) никто не отменял. Такое понимание роли прав человека заключается в утверждении их универсальной эмансипационной сущности⁴⁵.

³⁷ Giulio Napolitano, “Conflicts and strategies in administrative law”, *International Journal of Constitutional Law*, vol. 12, No. 2 (2014), pp. 357 and 364.

³⁸ Philipp Dann, “Liberal constitutionalism and postcolonialism in the South and beyond: on liberalism as an open source and the insights of decolonial critiques”, *International Journal of Constitutional Law* (2022), p. 1, speaks of liberalism as “an open source”.

³⁹ Карл Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк, 1852), см. www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/18th-Brumaire.pdf, с. 13 (текста на английском языке).

⁴⁰ Ratna Kapur, *Gender, Alterity and Human Rights: Freedom in a Fishbowl* (Cheltenham, Edward Elgar, 2018).

⁴¹ Upendra Baxi, “What may the ‘Third World’ expect from international law?”, in *International Law and the Third World: Reshaping Justice*, Richard Falk, Balakrishnan Rajagopal and Jacqueline Stevens, eds. (Oxford, Routledge-Cavendish, 2008), p. 16.

⁴² Alter, “From colonial to multilateral international law”, p. 809.

⁴³ Alexandra Xanthaki, “When universalism becomes a bully: revisiting the interplay between cultural rights and women’s rights”, *Human Rights Quarterly*, vol. 41, No. 3 (2019), p. 701.

⁴⁴ См. совпадающее мнение судьи Бонелло в Европейском суде по правам человека по делу *Аль-Скейни*: «Я не желаю поддерживать уважение прав человека по принципу “а-ля карт”. Я плохо отношусь к уважению прав человека, которое становится повседневным и приблизительным в зависимости от географических координат. ... [и] сознательное намерение регулировать поведение своих вооруженных сил в соответствии с широтой: джентльмены дома, хулиганы в другом месте» (European Court of Human Rights, *Al-Skeini and Others v. the United Kingdom*, application No. 55721/07, Judgment, Concurring Opinion of Judge Bonello, 7 July 2011, para. 18). В этом деле Великобритания заявила, что «экспорт Европейской конвенции по правам человека был бы равносильным “правозащитному империализму”».

⁴⁵ Philip Alston, “Does the past matter? On the origins of human rights”, *Harvard Law Review*, vol. 126, No. 7 (2013), в котором автор рассуждает о «борьбе за душу правозащитного движения», стр. 2077.

IV. Демократия как универсальная ценность и как исторически определенный режим

24. Вступительные слова Устава Организации Объединенных Наций — «Мы, народы», статья 28 Всеобщей декларации прав человека и Венская декларация и Программа действий, а также многие резолюции Генеральной Ассамблеи (резолюция 55/96 о развитии и упрочении демократии, резолюция 57/221 об укреплении верховенства права и резолюция 59/201 о повышении роли региональных, субрегиональных и других организаций и механизмов в деле развития и упрочения демократии) отражают консенсус международного сообщества относительно взаимосвязи между тремя основными направлениями деятельности Организации Объединенных Наций: правами человека, демократией и развитием. Демократия, по крайней мере номинально, считается сегодня универсальной ценностью и единственной легитимной формой правления⁴⁶. Как подчеркивали оба предыдущих мандатария, на международном уровне концепция демократии подразумевает должное уважение независимости и суверенного равенства государств и их равноправное участие в принятии глобальных решений, а также, следует добавить, участие их граждан. На национальном уровне, как отмечает Генеральная Ассамблея в преамбуле к своей резолюции 50/172 об уважении принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств в ходе их процессов выборов, не существует какой-то одной политической системы или какой-то одной универсальной модели для процессов выборов, которые в равной степени подходили бы всем странам и их народам, и что политические системы и процессы выборов обусловлены историческими, политическими, культурными и религиозными факторами.

25. Как и все права, возникшие в процессе исторического развития, демократические режимы также являются продуктом истории, сформированными политической традицией и укорененными общественными ценностями⁴⁷. Это касается не только различий между Севером и Югом. Американское и европейское понимание государственности и демократии также существенно различаются, о чем говорил Алексис де Токвиль еще в XIX веке. Основная причина этих расхождений заключается в том, что «социальный вопрос», определивший трансформацию европейских политических систем (см. п. 8 выше), был вне поля зрения в Америке в первой половине XIX века. Токвиль вопрошал: «Почему в Америке, стране демократии *par excellence*, никто не протестует против права собственности, как это часто происходит в Европе? Нужно ли объяснять? Причина в том, что в Америке нет пролетариев»⁴⁸. Даже в европейских демократиях есть свои конституционные особенности, например французская светскость или немецкая «воинствующая демократия». По этой причине Совет по правам человека в своей резолюции 19/36 о правах человека, демократии и верховенстве права заявил, что, хотя у демократии есть общие черты, не существует какой-либо одной модели демократии и что демократия не является собственностью какой-либо страны или региона. Вместе с тем культурный и политический плюрализм «не означает поддержки риторики культурных релятивистов или идеологов различного толка, которые выступают за бесчеловечную и антигуманную коллективную практику и которые могут использовать эту критику в качестве

⁴⁶ «Право на демократию» закреплено в Межамериканской демократической хартии 2001 года. В Африканской хартии по вопросам демократии, выборов и управления 2012 года говорится об «универсальных ценностях и принципах демократии», а в Хартии Ассоциации государств Юго-Восточной Азии 2008 года демократия включена в число ее принципов и целей.

⁴⁷ Michael Coppedge and others, *Varieties of Democracy: Measuring Two Centuries of Political Change* (Cambridge, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Cambridge University Press, 2020).

⁴⁸ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America* (HarperCollins, 1988). См. George Katrougalos, “European ‘social States’ and the USA: an ocean apart?”, *European Constitutional Law Review*, vol. 4, No. 2 (2008), p. 225.

оправдания для отказа от проекта прав человека и выхода за рамки общепринятых культурных норм»⁴⁹.

26. В своей работе «Право народов» (*The Law of Peoples*) Ролз говорит о воображаемом государстве «Казанистан», в котором запрещено полноценное участие в политической жизни для тех, кто не придерживается официальной веры, но терпимо относится к религиозным и гражданским правам и живет в мире со своими соседями. По мнению Ролза, такое государство будет законным членом международного сообщества, даже если оно не отвечает всем критериям равенства прав человека⁵⁰. Международные права человека, конечно, задают более высокую планку. Как на национальном, так и на международном уровне существует неотъемлемое, основное ядро демократии, требующее соблюдения фундаментальных прав и контроля населения над принятием коллективных решений при равном участии всех. Суть демократии заключается не столько в особом методе или технике формирования правительств, сколько в реальном осуществлении власти народа, самоуправлении в условиях политического равенства⁵¹. Кроме того, поскольку наиболее важные решения принимаются уже не на национальном, а на транснациональном и международном уровнях, демократические принципы должны применяться и на этих уровнях. Оба предыдущих мандатария подчеркивали, что демократическое участие, в том числе в избирательных процессах, является необходимым условием реальной демократии. Всегда должна быть четкая связь между волей народа и затрагивающей его политикой. Консультации и институты прямой демократии должны дополнять представительную демократию как в отношении отдельных граждан, так и их коллективных организаций.

27. Современная демократия переживает сложные времена, включая, как отмечают авторы ряда работ и сравнительных исследований, даже общее отрицание. Этому есть несколько причин, но в основе лежит один фактор — глобализация. Глобализация — это необратимая тенденция, способствующая развитию торговли, инвестициям, перемещению людей и технологическому прогрессу. Однако ее современная неолиберальная модель усилила неравенство⁵² и поставила под угрозу представительную демократию, поскольку влечет за собой отчуждение полномочий государства как по вертикали (передача суверенных функций наднациональным структурам), так и по горизонтали (например, частное регулирование и делегирование). Это усиливает тенденцию вывода капитала с внутренних рынков и сдвиг в сторону дерегулирования, коммодификации государственных услуг и сокращения социальных расходов. В этом контексте неравенство между странами и внутри них становится взрывоопасным. Действительно, неравенство между странами с учетом численности населения с 1980 года сократилось, но в основном за счет быстрого роста Китая и Индии. В одном только Китае более 750 млн человек вышли из состояния нищеты.

28. Что касается «недостатков» демократии или ее «упадка», то большая часть литературы последних лет посвящена так называемым «нелиберальным демократиям», т. е. режимам, которые проводят регулярные выборы, но пренебрегают правами человека, не уважают меньшинства и верховенство закона. Современные демократии включают в себя два основных элемента: с одной стороны, правление большинства/самоуправление и, с другой стороны, либерализм/верховенство закона; нелиберальные демократии испытывают недостаток в последнем. Однако существует и обратная патология: благодаря сочетанию глобализации и делегирования важных экономических решений субъектам, не несущим политической ответственности, таким как центральные банки и частные регуляторы, возникает режим, ограждающий экономику от рисков демократии. В таком режиме права человека, особенно

⁴⁹ Kapur, *Gender, Alterity and Human Rights*, p. 4.

⁵⁰ John Rawls, *The Law of Peoples* (Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1999), p. 75, цитата приведена в публикации Ignatieff, *Human Rights as Politics and Idolatry*, p. 55.

⁵¹ Susan Marks, *The Riddle of All Constitutions, International Law, Democracy, and the Critique of Ideology* (Oxford, Oxford University Press, 2000).

⁵² Branko Milanovic, "Global income inequality by the numbers: in history and now" (Washington, D.C., World Bank, 2012).

экономические и имущественные, полностью защищены, но самоуправление функционирует не в полной мере, поскольку воля большинства практически не влияет на решения, касающиеся управления экономикой. Этот «недемократический либерализм» приводит к возникновению своего антипода — «нелиберальной демократии»⁵³. Ощущение бессилия и бесполезности политического диалога приводит к политической апатии и отдаления от представительных институтов. В этом смысле популизм — не столько причина, сколько симптом кризиса, не столько угроза демократии, сколько признак ее деградации.

29. Ограничение регулятивных возможностей национальных государств не уравнивается развитием эффективных, демократических международных институтов управления. Вместо возникновения космополитического сообщества мы видим глобальное доминирование экономики над политикой и рыночных ценностей над демократическими. Поэтому главным вопросом как для демократического международного порядка, так и для сохранения демократического характера национальных демократий является установление ограничений на асимметричную транснациональную экономическую власть. В настоящее время, когда глобализация «встает на пути национальной демократии»⁵⁴, крайне необходима реполитизация глобальных экономических отношений и демократизация органов и структур глобальной экономики. Поскольку в обозримом будущем появление глобального демоса невозможно⁵⁵, необходимо повысить открытость, участие общественности и прозрачность на международном уровне, чтобы ограничить влияние глобализации на демократическое национальное регулирование.

V. Преобладающие представления общества о демократии и правах человека

30. Существующие на настоящий момент концепции и гипотезы находят свое эмпирическое подтверждение в ряде недавних глобальных обследований, которые показывают, что общественная поддержка демократии и прав человека неизменно высока как в развивающихся, так и в развитых странах. Однако эта поддержка сопровождается растущей неудовлетворенностью их фактической реализацией и чувством отдаления от представительных институтов. Особенно это касается глобального Севера. В двух обследованиях, опубликованных в 2024 и 2023 годах, значительное медианное большинство — от 85⁵⁶ до 86 процентов⁵⁷ — считает, что важно жить в демократическом государстве⁵⁸. Эти настроения сохраняются и

⁵³ George Katrougalos and Bertrand Mathieu, eds., *The Crisis of Liberal Democracy* (Cambridge, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Intersentia, 2023), p. 1.

⁵⁴ Dani Rodrik, *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy* (New York and London, W.W. Norton & Company, 2011), pp. 190 and 200.

⁵⁵ Это не исключает появления глобальных демократических «конституционных правил». См. Dominique Rousseau, “De la Constitution étatico-nationale à la constitution connectée, imaginaire de l'espace démocratique mondiale”, в *Démocratiser l'espace monde*, Olivier de Frouville and Dominique Rousseau, eds., Collection de l'Institut des sciences juridique et philosophique de la Sorbonne (Mare & Martin, 2024) (на французском языке).

⁵⁶ Alliance of Democracies, *Democracy Perception Index 2024* (Latana, 2024), p. 8, обследование 53 стран за 2024 год, URL: <https://www.allianceofdemocracies.org/wp-content/uploads/2024/05/DPI-2024.pdf>. Аналогичные выводы содержатся в докладе 2023 *Edelman Trust Barometer Global Report*, URL: www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2023-03/2023%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report%20FINAL.pdf.

⁵⁷ Open Society Foundations, “Open Society Barometer: can democracy deliver?” (2023), обследование 30 стран за 2023 год, URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/e6cd5a09-cd19-4587-aa06-368d3fc78917/open-society-barometer-can-democracy-deliver-20230911.pdf>, стр. 2 и 8.

⁵⁸ Ibid. Более низкий уровень поддержки демократии отмечается в обследовании, посвященном европейским странам. См. European Movement International and Listen to People, *The War Within: European Public Opinion on Russia's Invasion, Defending Ukraine and the Effect on the*

продолжают усиливаться⁵⁹. В другом глобальном обследовании, опубликованном в 2017 году, 78 процентов опрошенных из 38 стран в качестве эффективного способа управления их страной назвали «демократическую систему, в которой избранные гражданами представители решают, каким будет закон»⁶⁰. В среднем по миру те, кто считает демократию предпочтительнее любого другого вида правления, также неизменно остаются в большинстве. Однако результаты оказываются неоднозначными, если принять во внимание ответы на вопросы качественного характера, например, о том, можно ли обеспечить эффективное управление страной с лидером, который считает выборы ненужными⁶¹. Доля населения, характеризующего представительную демократию как очень хороший способ управления, значительно снизилась в 11 из 22 стран, по которым имеются данные за 2017 год. Интересно, что 66 процентов респондентов поддерживают прямую демократию⁶².

31. В основном результаты обследований показывают, что большинство населения недовольно тем, как функционирует «их» демократия. Чуть больше половины населения мира (58 процентов) считают свою страну демократической, и даже среди них большинство не уверено в эффективности политических институтов: они скорее недовольны, чем довольны, тем, как демократия действительно работает⁶³. Самый высокий уровень недовольства — в Латинской Америке, самый низкий — в Азии, но исторические максимумы также зафиксированы в Европе и Соединенных Штатах⁶⁴. Женщины и группы с низким уровнем дохода, как правило, сталкиваются с большим количеством препятствий в плане доступа к правам и в целом больше сомневаются в эффективности демократии. Более того, мнения экспертов и представления населения о том, как работают политические институты, не всегда совпадают. Люди, как правило, настроены гораздо более скептически и пессимистично, чем эксперты⁶⁵.

32. Другой неизменной тенденцией, особенно усиливающейся на глобальном Севере, является повсеместное отчуждение от политической системы, сопровождающееся гнетущим ощущением несправедливости в отношении функционирования экономики и институтов. От 74⁶⁶ до 80 процентов⁶⁷ жителей этих стран считают, что «выборным должностным лицам не важно мнение простых людей», а в другом обследовании это большинство достигает 85 процентов⁶⁸. Общее мнение таково, что правительства действуют не в интересах большинства, а в интересах малочисленных элит. По результатам обследования, проведенного среди членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), более 60 процентов опрошенных считают, что их «правительство управляется несколькими крупными структурами, действующими в своих интересах»⁶⁹. В ходе аналогичного глобального обследования подавляющее большинство, более 65 процентов опрошенных во всех западных странах, кроме Швеции, ответили, что «экономика

EU — Survey Results 2022, URL: <https://listentopeople.eu/wp-content/uploads/2022/09/LTP-Report-09-2022-1.pdf>.

⁵⁹ Alliance of Democracies, *Democracy Perception Index 2024*.

⁶⁰ Richard Wike and others, “Globally, broad support for representative and direct democracy” (Pew Research Center, 2017), обследование 38 стран, URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/10/16/globally-broad-support-for-representative-and-direct-democracy>.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid.; International Institute for Democracy and Electoral Assistance, *Perceptions of Democracy: A Survey about How People Assess Democracy around the World* (2024), p. 56, URL: www.idea.int/sites/default/files/2024-04/perceptions-of-democracy.pdf.

⁶³ Alliance of Democracies, *Democracy Perception Index 2024*, p. 9.

⁶⁴ Jeffrey M. Jones, “Record low in U.S. satisfied with way democracy is working” (Gallup, 2024).

⁶⁵ International Institute for Democracy and Electoral Assistance, *Perceptions of Democracy*.

⁶⁶ Richard Wike and others, *Representative Democracy Remains a Popular Ideal, but People Around the World Are Critical of How It’s Working* (Pew Research Center, 2024).

⁶⁷ Jenn Hatfield, “More than 80% of Americans believe elected officials don’t care what people like them think”, Pew Research Center, 30 April 2024.

⁶⁸ Pew Research Center, *Americans’ Dismal Views of the Nation’s Politics* (2023).

⁶⁹ OECD, *Integrity Framework for Public Investment* (Paris, 2016), p. 18, figure 1.5.

работает на благо богатых и влиятельных»⁷⁰. Эти выводы согласуются с результатами других обследований, проведенных в последнее десятилетие. В 2024 году в среднем по миру 48 процентов людей заявили, что их правительство «в основном служит интересам меньшинства». Эти настроения наиболее распространены в Латинской Америке (61 процент), Соединенных Штатах (57 процентов) и Европе (54 процента) и в наименьшей степени — в странах Азии⁷¹.

33. Во всех опросах прослеживается прямая зависимость между экономическими показателями и доверием к институтам. Те, кто считает экономическую ситуацию в своей стране благоприятной, с большей вероятностью будут удовлетворены работой государственных институтов и поддержат представительную демократию. Что касается приоритетов, то на национальном уровне большинство людей хотят, чтобы их правительство уделяло больше внимания сокращению масштабов нищеты, коррупции и экономическому росту. Сорок один процент опрошенных считают главной мировой проблемой «нищету и голод». Уже много лет подряд главной угрозой для мировой демократии считается экономическое неравенство (68 процентов), за которым следуют коррупция (67 процентов) и влияние глобальных корпораций (60 процентов)⁷². Что касается восприятия угрозы демократии со стороны глобальных корпораций, то среди развитых стран первое место занимают Соединенные Штаты (70 процентов)⁷³. Половина демократических стран мира опасается влияния основных компаний, работающих в сфере информационных технологий, причем в Соединенных Штатах этот показатель снова самый высокий — 66 процентов. Это мнение, как представляется, укрепилось как в развивающихся, так и в развитых странах, однако в азиатских демократиях (56 процентов) обеспокоенность выше, чем в европейских (46 процентов) или латиноамериканских (45 процентов)⁷⁴. Вместе с тем в отношении других задач существуют значительные региональные различия: в Европе и Соединенных Штатах люди гораздо чаще хотят, чтобы их правительство уделяло первоочередное внимание улучшению здравоохранения, борьбе с изменением климата и сокращению иммиграции, чем жители Азии и Латинской Америки, где более важными считаются борьба с коррупцией и стимулирование роста⁷⁵.

34. Опросы, посвященные восприятию прав человека, отражают те же тенденции: люди считают универсальные права человека важными, но не уверены в их одинаковом или эффективном применении⁷⁶. С утверждением «права человека отражают ценности, в которые я верю» в среднем по миру согласен 71 процент опрошенных, а не согласны лишь 9 процентов. Больше всего положительных ответов дают граждане глобального Юга (Нигерия (86 процентов), Кения (85 процентов), Бангладеш, Колумбия и Эфиопия (82 процента), а также Индия (80 процентов))⁷⁷. Однако, в том что касается эффективности прав человека, 38 процентов считают, что права человека на самом деле не гарантируют защиты⁷⁸. Также широко распространено мнение об их избирательном применении на глобальном уровне. На вопрос, касающийся «использования прав человека западными странами для наказания развивающихся стран», многие — в среднем 42 процента в мире — отвечают положительно. Даже в Соединенных Штатах респонденты чаще соглашались (34 процента), чем не соглашались (28 процентов) с этим утверждением⁷⁹.

⁷⁰ Ipsos, *Global @dvisor, Power to the People? Part 2* (2017),

URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2017-01/Power_to_the_people_survey-01-2017.pdf.

⁷¹ Alliance of Democracies, *Democracy Perception Index 2024*, p. 12.

⁷² Ibid., pp. 15 и 16.

⁷³ Ibid., p. 18.

⁷⁴ Ibid., p. 21.

⁷⁵ Ibid., p. 25.

⁷⁶ Ipsos, “Human rights in 2018”, обследование 28 стран, проведенное в период с 25 мая по 8 июня 2018 года, URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2018-07/human-rights-in-2018-ipsos-global-advisor.pdf>.

⁷⁷ Open Society Foundations, “Open Society Barometer”, p. 14.

⁷⁸ Ibid., p. 21.

⁷⁹ Ibid.

35. Большинство людей в ряде стран, в основном в обследованных странах со средним уровнем дохода глобального Юга, верят в экономические реформы как в средство улучшения демократии. В Индии и Южной Африке, например, этот вопрос стоит на первом месте среди 17 основных включенных в опросы тем; в Аргентине, Бразилии, Индонезии и Кении он занимает второе место⁸⁰. Следует отметить, что мнение большинства о сравнительно большей важности социальных, а не гражданских и политических прав наблюдается не только в странах глобального Юга, но и в странах глобального Севера⁸¹.

VI. Основные препятствия в деле поощрения демократического и справедливого международного порядка

A. Кризис многосторонних отношений — увеличение разрыва между Севером и Югом

36. Изменение расстановки сил между Севером и Югом и сопутствующие разногласия по поводу ценностей, прав человека и интервенционизма, а также ощущение неэффективности институтов глобального управления создают значительную нагрузку на систему Организации Объединенных Наций. Еще одной проблемой, возникшей после событий 11 сентября 2001 года, стала так называемая «секьюритизация» прав человека, т. е. введение практически перманентного чрезвычайного положения в интересах борьбы с терроризмом. Особую тревогу вызывает многогранный кризис многосторонних отношений: эрозия доверия, возрождение экономического протекционизма, игнорирование или выход государств из международных соглашений, односторонние экономические санкции без поддержки Совета Безопасности и официальные угрозы в адрес международных судей⁸². Прокурор Международного уголовного суда недавно заявил, что получил несколько угроз, причем один из высокопоставленных лиц сказал ему, что Суд создан не для «Запада и его союзников»⁸³. Конфликты на Украине и в Газе, а также тупик в работе Совета Безопасности усугубили эту ситуацию и, по словам Генерального секретаря, «возможно, бесповоротно» подорвали его авторитет⁸⁴.

37. Комбинированные последствия «поликризиса», т. е. сочетания экономического и климатического кризисов, пандемии, глобальных конфликтов и растущего неравенства внутри стран и между ними, повернули вспять глобальный прогресс в области развития и сокращения масштабов нищеты. Во время пандемии впервые в истории снизилось значение индекса человеческого развития, при этом в 9 из 10 стран был зафиксирован спад в области здравоохранения, образования и уровня жизни. Число людей, живущих в условиях крайней нищеты, которое заметно сократилось за последние 25 лет, в настоящее время растет. По прогнозам, к 2030 году 575 млн человек по-прежнему будут жить в условиях крайней нищеты, и только в одной трети стран уровень бедности сократится вдвое, что сделает недостижимой цель 1 в области устойчивого развития. По данным Комитета по рассмотрению ситуации с голодом, в список стран, которым угрожает голод, теперь входят Афганистан, Мали, Судан и Сирийская Арабская Республика. Также крайне тревожная ситуация сложилась в

⁸⁰ Laura Silver and others, *What Can Improve Democracy?* (Pew Research Center, 2024).

⁸¹ Open Society Foundations, “Open Society Barometer”, p. 15.

⁸² 10 мая 2024 года эксперты Организации Объединенных Наций выразили крайнюю обеспокоенность в связи с заявлениями официальных лиц государства, угрожающих Международному уголовному суду, его должностным лицам и членам их семей; см. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2024/05/israelgaza-threats-against-icc-promote-culture-impunity-say-un-experts>.

⁸³ Necva Tastan, “ICC prosecutor threatened: Court ‘built for Africa and thugs like Putin’”, Anadolu Agency, 21 May 2024.

⁸⁴ Gabrielle Tétrault-Farber, “Security Council ‘perhaps fatally’ undermined by Gaza, Ukraine deadlock, says UN chief”, Reuters, 26 February 2024.

Газе⁸⁵. Поскольку страны с низким и средним уровнем дохода одновременно сталкиваются с растущими потребностями в финансировании, увеличивающимся государственным долгом и сокращением доступного финансирования, их дефицит финансирования целей в области устойчивого развития в 2020 году достиг 3,9 трлн долл. США, что на 56 процентов больше, чем в 2019 году⁸⁶.

38. Под воздействием этих тенденций мир становится более многополярным и менее многосторонним. Эта смена парадигмы имеет две основные черты: отсутствие единственной державы-гегемона и смещение центра экономического притяжения на глобальный Юг, в основном в Азию. Первая тенденция уходит корнями в постколониальную эпоху⁸⁷. Многополярность ведет к увеличению разрыва между Севером и Югом, поскольку после непродолжительного периода однополярности доминирующего дискурса более не существует. Кроме того, единственный гегемон вряд ли появится, и не только потому, что исторически такое лидерство возникало только после мировых войн⁸⁸, но главным образом потому, что конфигурация власти в мире сейчас гораздо более разнообразна и рассеяна. Институционально эта многополярность выражена и локализована в дифференцированности уровней международного управления: там, где правило представительства основано на полном равенстве государств, как в Генеральной Ассамблее, глобальный Юг контролирует процесс принятия решений. Глобальный Север, напротив, продолжает преобладать в финансовых международных организациях, которые управляются по принципу пропорционального голосования, что отражает устаревший баланс экономических сил.

В. Фрагментация международного права

39. Отсутствие иерархической архитектуры международного права в целом⁸⁹ и системы Организации Объединенных Наций в частности усиливает центробежные тенденции. Различные органы или учреждения системы Организации Объединенных Наций с пересекающимися сферами охвата имеют собственное понимание и методологию, которые зачастую диаметрально противоположны. Так, «как только становится известно, какой орган будет заниматься тем или иным вопросом, сразу понятно, как он будет решен»⁹⁰. Уже в своем докладе, опубликованном в 1985 году, Объединенная инспекционная группа, независимый вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи, раскритиковала «крайнюю степень фрагментации» деятельности Организации Объединенных Наций⁹¹. В том же ключе Группа высокого уровня по продвижению глобального устойчивого развития недавно отметила, что «институциональная фрагментация... эндемична на международном уровне»,

⁸⁵ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, “UN experts declare famine has spread throughout Gaza strip”, 9 июля 2024 года.

⁸⁶ См. George Katrougalos, “Globalisation in times of crises and war: the role of the OECD since the Russian aggression against Ukraine”, доклад Парламентской ассамблеи Совета Европы, документ AS/Pol (2023) 26, п. 48, URL: <https://rm.coe.int/globalisation-in-times-of-crises-and-war-the-role-of-the-oecd-since-th/1680abb7cb>.

⁸⁷ По мнению Тони Эванса (Tony Evans, *US Hegemony and the Project of Universal Human Rights*, *Palgrave Macmillan*, 1996), утрата Соединенными Штатами первоначальной гегемонистской позиции в системе Организации Объединенных Наций заставила их в определенной степени отдалиться от правозащитной системы Организации Объединенных Наций, что привело к «слабому», относительно бессильному, состоянию режима защиты последней.

⁸⁸ Robert O. Keohane, *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy* (Princeton University Press, 1984), p. 23.

⁸⁹ Фрагментации международного права в целом посвящен доклад Исследовательской группы Комиссии международного права на ее пятьдесят восьмой сессии в 2006 году (A/CN.4/L.682).

⁹⁰ Martti Koskeniemi, “The fate of public international law: between technique and politics”, *Modern Law Review*, vol. 70, No. 1 (2007), p. 23.

⁹¹ *JIU/REP/85/9*, пп. 15–20. См. также Andreas Bummel and Jo Leinen, *A World Parliament: Governance and Democracy in the 21st Century* (Democracy Without Borders, 2018).

и поэтому «мы должны преодолеть наследие разрозненных институтов, созданных вокруг “бюрократических структур”, занимающихся одним вопросом»⁹².

40. Правозащитную систему Организации Объединенных Наций можно сравнить с «материком» (состоящим из Совета по правам человека, договорных органов и Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека) и «архипелагом» специализированных учреждений, фондов, программ и других органов Организации Объединенных Наций⁹³. В настоящее время Координационный совет руководителей системы Организации Объединенных Наций объединяет под председательством Генерального секретаря исполнительных глав учреждений системы Организации Объединенных Наций, ее 12 фондов и программ, 15 специализированных учреждений и 3 смежных организаций. Едва ли возможно полностью согласовать деятельность всех этих учреждений с какими-то несуществующими всеобъемлющими принципами. Фрагментация обусловлена как природой международного права как права координации, а не подчинения, так и отсутствием централизованных институтов, которые обеспечивали бы однородность и соответствие⁹⁴. Однако для эффективности и легитимности Организации Объединенных Наций необходимо обеспечить хотя бы минимальную слаженность работы этих институтов, особенно в том, что касается последствий их деятельности для прав человека, в частности в отношении их обязательства «защищать, уважать и восстанавливать в правах». Международное право было бы непоследовательным, если бы оно требовало, чтобы все его субъекты соблюдали права человека в качестве глобального стандарта ожидаемого поведения, и исключало бы из этой сферы ответственности только учреждения Организации Объединенных Наций. Поэтому всесторонний учет прав человека, т. е. интеграция их стандартов, методологии и ответственности в рамках всей системы Организации Объединенных Наций, является необходимым условием для их полного осуществления⁹⁵.

41. Согласно Пакту во имя будущего, который должен быть принят на Саммите будущего в сентябре 2024 года, «мы будем укреплять правозащитную составляющую Организации Объединенных Наций, чтобы обеспечить эффективное осуществление всех прав человека и реагировать на новые и возникающие вызовы», а также «усилим координацию между подразделениями Организации Объединенных Наций, работающими в области прав человека»⁹⁶. Независимый экспертный комитет, уполномоченный Генеральным секретарем и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, мог бы сформулировать список принципов и процедур для этого, следуя, например, шагам, изложенным в публикации «Подход к сотрудничеству в области развития на основе прав человека: достижение взаимопонимания между учреждениями Организации Объединенных Наций». Более продвинутой процессуальной идеей могло бы стать назначение Специального докладчика с мандатом не только на подготовку ежегодного доклада для представления Совету по правам человека, но и на передачу вопросов, связанных с несоблюдением требований программ и учреждений Организации Объединенных Наций, в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и/или другие соответствующие надзорные органы.

⁹² Доклад Группы высокого уровня по продвижению глобального устойчивого развития (A/66/700), стр. 8 и 74, цитаты приведены в работе Bummel and Leinen, *A World Parliament*.

⁹³ Paul Hunt, “Configuring the UN human rights system in the ‘era of implementation’: mainland and archipelago”, *Human Rights Quarterly*, vol. 39 (2017), p. 489.

⁹⁴ См. Gerhard Hafner, “Risks ensuing from fragmentation of international law”, в докладе Международной комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (A/55/10), стр. 333. См. также Bummel and Leinen, *A World Parliament*.

⁹⁵ Hunt, “Configuring the UN human rights system”, p. 502; and Zdzislaw Kedzia, “Mainstreaming human rights in the United Nations”, in *International Human Rights Monitoring Mechanisms*, Gudmundur Alfredsson and others, eds. (Martinus Nijhoff, 2009), p. 231. См. также резолюцию 60/251 Генеральной Ассамблеи.

⁹⁶ Действие 47 и п. 71 с).

С. Глобализация и растущая власть негосударственных субъектов

42. Глобализация привела к беспрецедентному росту влияния накопленного в странах капитала, усугубив глобальное неравенство. Недавно Генеральный секретарь призвал обеспечить выживание планеты и человечества, осудив тот факт, что 26 богатейшим людям в мире принадлежит столько же благ, сколько половине населения планеты, а на долю 1 процента самых богатых людей мира приходится 27 процентов общего совокупного прироста доходов за последние четыре десятилетия⁹⁷. Особенно важным в этой связи является усиление влияния транснациональных корпораций и, в частности, крупнейших компаний в сфере информационных технологий, прибыль и мощь которых бьет исторические рекорды. Рыночная стоимость каждой из трех крупнейших таких корпораций уже давно превышает 2 трлн долл. США, что больше ВВП такой страны, как Италия, а их акции за последнее десятилетие выросли более чем на 1200 процентов. Рыночная стоимость одной из таких корпораций в июне 2024 года достигла 3,376 трлн долл. США, что превышает ВВП Франции. Общая рыночная капитализация этих транснациональных корпораций сегодня составляет более 9,1 трлн долл. США. Искусственный интеллект создает дополнительные проблемы, но также и возможности для более эффективной демократии, основанной на участии.

43. Колоссальное неравенство — это только вершина айсберга. Влияние транснациональных корпораций в сочетании с институтами международного экономического управления формирует глобальное экономическое право и управление в режиме, который служит их интересам и укрепляет их власть. Этот режим не только позволяет транснациональным корпорациям переходить из одной юрисдикции в другую, чтобы избежать государственного регулирования и воспользоваться налоговыми льготами, но и представляет собой иерархическую правовую инфраструктуру, которая функционирует в их интересах и закрепляет асимметрию власти в глобальном масштабе, что в конечном итоге может иметь последствия даже для космического пространства. Колонизатору Сесилу Родсу приписывают следующие слова, якобы произнесенные им в отчаянии: «Если только задуматься об этих звездах, которые вы видите ночью над головой, об этих огромных мирах, до которых мы никогда не доберемся. Я бы аннексировал планеты, если бы мог; я часто об этом думаю. Мне грустно так четко их видеть и в то же время понимать, как они далеки»⁹⁸. Таких ограничений больше не существует. Сегодня «условия обслуживания» одной частной компании определяют «Марс как свободную планету», т. е. свободную для частной экономической эксплуатации, что грубо противоречит Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор по космосу).

VII. Примерные области для тематических докладов

44. С учетом вышеизложенных замечаний, проведенных консультаций и полученных материалов предварительные соображения Независимого эксперта сводятся к тому, чтобы в приоритетном порядке рассмотреть перечисленные ниже тематические области. Этот список следует рассматривать как предварительный, который будет пересмотрен в свете отзывов, полученных в ходе посещения стран, дальнейших консультаций и обсуждений с правительствами, межправительственными и неправительственными организациями и гражданами. Доклады по следующим темам не будут носить теоретический характер; Независимый эксперт будет стремиться представить практические предложения и рекомендации, направленные, насколько это возможно, на достижение консенсуса:

⁹⁷ Антониу Гутерриш, «Борьба с пандемией неравенства: новый общественный договор для новой эпохи», «Эфрика реньюал», 19 июля 2020 года.

⁹⁸ Цитируется по Duncan Bell, *Dreamworlds of Race: Empire and the Utopian Destiny of Anglo-America* (Princeton University Press, 2022), p. 131.

а) активизация диалога Север — Юг по вопросам демократии и прав человека путем:

- i) предложения символических шагов, таких как отмена оговорки о «цивилизованных нациях» в статье 38 (пункт 1 с)) Статута Международного суда или проведение заседания Совета Безопасности в одной из малых стран глобального Юга;
- ii) содействия международному сотрудничеству многих заинтересованных сторон для расширения прав и возможностей глобального Юга; создания двусторонних и многосторонних диалогов и платформ; поощрения трансрегионального сотрудничества, например сотрудничества между Парламентской Ассамблеей или Сетью судов высшей инстанции государств — членов Совета Европы и их коллегами в Африке, Азии и Латинской Америке;
- iii) ведения структурированного диалога по таким вопросам, как климатическая справедливость для малых островных государств (Альянс малых островных государств), инвестиционные договоры и право государств принимать меры для продвижения национальных общественных целей;
- iv) интеграции международных проектов в области фискальной справедливости, таких как предлагаемые соглашения ОЭСР о минимальном глобальном налоге и цифровом налоге, в предлагаемую рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций о международном налоговом сотрудничестве;
- v) изучения перспектив проведения второго саммита Север — Юг (первый единственный саммит Север — Юг, официально известный как Международное совещание по сотрудничеству и развитию, состоялся в Канкуне в 1981 году);

б) актуализация применения прав человека в рамках системы Организации Объединенных Наций путем:

- i) изучения последовательности реализации прав человека учреждениями Организации Объединенных Наций, например на основе публикации «Подход к сотрудничеству в области развития на основе прав человека: достижение взаимопонимания между учреждениями Организации Объединенных Наций»;
- ii) рассмотрения более продвинутых вариантов взаимосвязи между учреждениями Организации Объединенных Наций и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, с тем чтобы обеспечить всесторонний учет международных прав человека во всех программах и деятельности учреждений Организации Объединенных Наций;

с) интеграция искусственного интеллекта в развитие глобальной демократии путем:

- i) изучения рисков управления искусственным интеллектом для демократии, выходящих за рамки принципа «не навреди»;
- ii) обеспечения активной роли Организации Объединенных Наций в глобальном управлении искусственным интеллектом;
- iii) установления конкретных принципов, основанных на Всеобщей декларации прав человека и целях в области устойчивого развития, в отношении инклюзивности искусственного интеллекта: все граждане, включая жителей глобального Юга, должны иметь возможность доступа к инструментам искусственного интеллекта и их полноценного использования;
- iv) определения рамок для вклада искусственного интеллекта в развитие демократии и участия общественности с помощью новых информационных и партисипативных инструментов, например путем организации глобальных консультативных виртуальных референдумов, связанных с какой-либо целью в области устойчивого развития, правом или конкретной стратегией Организации Объединенных Наций;

- v) содействия, возможно, при добровольном сотрудничестве компаний, занимающихся информационными технологиями, созданию новых инструментов для горизонтального объединения всех баз данных Организации Объединенных Наций в единую сеть с удобными для пользователя интерфейсами;
- d) обеспечение приверженности многонациональных корпораций поощрению демократического и справедливого международного порядка путем:
 - i) обеспечения международных и государственных принципов регулирования свободы выражения мнений на платформах социальных сетей;
 - ii) изучения взаимосвязи между интеллектуальной собственностью и патентами и полным осуществлением прав на здоровье и продовольственную безопасность;
 - iii) соотношения климатического кризиса и климатического финансирования с управлением ресурсами. Международные экономические институты должны обеспечить необходимое финансирование для решения проблем, связанных с климатическим кризисом, особенно для малых островных государств. Новые экологические правила должны исключить экстремальные методы добычи полезных ископаемых;
 - iv) обеспечения прозрачности транснациональных продаж оружия и запрета на продажу оружия в случаях нарушения прав человека;
 - v) обеспечения приверженности транснациональных корпораций действующим международным договорам по космосу;
- e) содействие диалогу между цивилизациями по вопросам демократии и прав человека путем:
 - i) изучения и понимания культурных рамок, исторических традиций и региональных особенностей для контекстуализации демократических норм и ценностей в рамках универсальных ценностей демократии и прав человека;
 - ii) исследования вопроса о влиянии истории на формирование демократических институтов;
 - iii) содействия подлинному гражданскому участию и балансу индивидуальных и коллективных прав в различных культурных средах;
 - f) защита международных и национальных судебных органов, сталкивающихся с авторитарной и нелиберальной практикой, путем:
 - i) защиты национальных и международных судов от угроз и авторитарной практики;
 - ii) содействия взаимодействию между судьями Севера и Юга путем расширения существующих сетей.